

С О О Б Щ Е Н И Я

Е. М. ЭПШТЕЙН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Во второй половине XVIII в. изучение Русского Севера значительно подвинулось вперед. Активизация деятельности Географического департамента Академии наук, работа по составлению «описаний» и атласов, труды местных историков и краеведов, наконец, экспедиции и путешествия способствовали накоплению многочисленных материалов по различным отраслям знаний.

С точки зрения изучения этнографии края особый интерес представляют путевые дневники и другие документы (рапорты, донесения и т. д.), в которых путешественники подробно фиксировали все наблюдения, сделанные ими в пути. Если обратиться к материалам путешествий И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, П. Б. Иноходцова, П. И. Челищева, ценность которых уже давно общепризнана, то в них можно найти ряд интересных этнографических сведений, изученных, к слову сказать, еще далеко недостаточно.

Цель настоящей статьи — обратить внимание еще на один источник этнографического изучения Русского Севера. Мы имеем в виду материалы, собранные Г. Р. Державиным во время его пребывания в Карелии и, прежде всего, «Поденную записку» — путевой дневник, составленный им во время поездки по Олонецкой губернии летом 1785 г.

В 1784 г. Г. Р. Державин был назначен правителем (губернатором) вновь созданной Олонецкой губернии и в середине сентября приехал в Петрозаводск; он пробыл в Карелии до октября 1785 г., после чего был переведен в Тамбов. Одним из наиболее существенных результатов деятельности первого олонецкого губернатора за эти тринадцать месяцев был собранный им большой и интересный материал, включающий описания промышленности, торговли, сельского хозяйства края, а также исторические и этнографические сведения. Есть основания предполагать, что Державин собирался составить новое описание Олонецкой губернии взамен написанного архангельским и олонецким губернатором Т. И. Тутолминым, которое Державин считал неудовлетворительным; однако это намерение осталось нереализованным. Ряд материалов был собран Державиным при подготовке ответов на анкету Академии наук, полученную в Петрозаводске в начале 1785 г.

Чтобы получить необходимые сведения о прошлом и нынешнем состоянии края, Державин рассылал запросы исправникам, использовал служебные поездки немногочисленных петрозаводских чиновников. В инструкции, специально написанной губернатором, которая вручалась чиновникам перед отъездом, между прочим указывалось: «А ежели от кого что узнаете, или сами заметите касательно до исторического известия о происхождении того края народов, о древних приключениях, об обычаях и нравах, или любопытные какие краткие и справедливые повести... то все не оставьте любопытством вашим собрать и доставить ко мне при возвращении вашем в губернский город Петрозаводск»¹.

Державин собирал материалы не только по Олонецкой губернии, но и по приграничным зарубежным районам. Так, со специальным заданием составить описание «шведских лапландцев»² был отправлен к северо-западным границам Карелии чиновник Николай Эмин, сын известного романиста и журналиста Федора Эмина. В инструкции Эмину Державин писал, что тот должен «вносить в свои записи все, что

¹ Рукописный отдел Ин-та русской литературы АН СССР, ф. 96, оп. 3, д. 8.

² Под «Шведской Лапландией» имелась в виду северо-восточная Финляндия. Так обозначалась эта территория и на русских картах XVIII в.

только жителями тех мест объявлено будет касательно истории и тамошних обитателей. обстоятельно описать настоящее жителей той страны состояние, образ жизни, нравы, обычаи, исповедания веры, язык, промыслы, хозяйство, садоводство, земледельство и все народные избытки и недостатки равномерно же»³.

Эмин представил Державину «Краткое описание образа жизни и свойств живущих в смежности с карелами шведских лапландцев», хотя описание оказалось значительно более «кратким», чем хотел Державин, и Эмин был вынужден написать специальное «оправдание» по этому поводу⁴. Несмотря на то, что сведения, собранные Эминым, были в достаточной степени поверхностными, отдельные разделы его описания (домоводство, пища, одежда, обряды) не лишены известного интереса для этнографов.

Однако наиболее важные наблюдения были сделаны самим Державиным во время его путешествия по Карелии.

Поездка Державина продолжалась почти два месяца — с 19 июля по 13 сентября 1785 г. Официальная цель ее заключалась в том, что губернатор должен был присутствовать при «открытии» города Кемь. За время путешествия Державин и его спутники, Грибовский и Эмин, проехали около 1500 км. Выехав из Петрозаводска, они доехали до Тивдийских мраморных ломов, затем посетили Кижь, отсюда проехали в Пудож и далее на север до Кемь через Повенец, Вонцкий рудник (Надвоицы) и Сороку (Беломорск). Обратный в Петрозаводск Державин возвращался другим путем, посетив Сумский посад, Каргополь и Вытегру. Таким образом, значительная часть маршрута приходилась на те районы Карелии, в которых ни Лепехин, ни Озерцовский не были вообще, а Э. Лаксман, посетивший их в 1779 г., не оставил никаких записей о жизни местного населения. Это придает сведениям Державина особый интерес.

Как уже указывалось, результаты поездки нашли отражение в путевом дневнике. На протяжении всего пути в «Поденную записку» исправно заносились сведения, касающиеся состояния сельского хозяйства, промышленности, торговли, культуры и быта местного населения, подробно описаны крупные населенные пункты и природа края. Между тем этот ценный материал почти не изучен, а в специальной этнографической литературе не нашел никакого отражения⁵.

Наиболее интересные этнографические наблюдения были сделаны Державиным на территории бывшего Повенецкого уезда, в районе так называемых Лопских погостов (ныне часть Сегежского, Медвежьегорского, Лоуховского и Калевальского районов Карельской АССР). Державин, несомненно, учитывал, что в существующих описаниях (в частности — Т. И. Тутолмина) почти никаких сведений о жизни карел нет. Поэтому он прямо указывал, что считает «за нужное... описать оных образ жизни и свойства». В «Поденной записке» описание быта карел сделано особенно подробно. В других случаях, когда речь идет об уездах с русским населением (Петрозаводский, Пудожский), Державин обычно ограничивается лишь несколькими общими замечаниями.

Все приведенные ниже записи относятся к карельскому населению. Это подтверждают характеристика языка («все слова имеют ударение на первом слоге и мягко произносятся»), подмеченное сходство «с наречием олончан», приведенные названия отдельных предметов: кеньги (сапоги), шукши (лыжи), рокка (название похлебки) и т. д., описание одежды, построек, посуды, некоторых обычаев. Следует отметить, что отдельные описанные Державиным особенности не характерны для карельского населения («востроносые с загнутыми концами сапоги», обычай девушек носить распущенные волосы, способ управления оленьей упряжкой). Это свидетельствует, по-видимому, о том, что в культуре северных карел в этот период сказывалось известное влияние ассимилированных карелами саамов.

Ниже публикуется фрагмент текста из «Поденной записки».

«...Кроме некоторых российских погостов, во всех прочих живут лопляне⁶, и для сего за нужное считаю описать оных образ жизни и свойства.

Лопляне не строятся, подобно россиянам, под один верх... и инде двор отстоит версты с полторы от другого. Сарай и сеники делают наравне с избами, внизу же хлев для скотины и конюшни...

Лопляне убогие, едят хлеб, сделанный из сосновой коры или из соломы, и питающиеся оным пухнут и кажутся дородными, в самом же деле слабосильные.

Хлеб из сосновой коры следующим образом готовится: по снятии коры очищают оной поверхность, сушат на воздухе, жарят в печи, толкут и прибавляют муки, замешивают тесто и пекут хлеб.

³ Центральный государственный архив Карельской АССР, ф. Олонецкого губернского правления (внеструктурный), д. 1/12, лл. 16—17.

⁴ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив Г. Р. Державина, т. XXI, лл. 180—185.

⁵ Подлинник «Поденной записки» находится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (архив Г. Р. Державина, т. XXI). Недавно текст ее был впервые опубликован с незначительными сокращениями в приложении к книге В. В. Пименова и Е. М. Эпштейна «Русские исследователи Карелии. XVIII в.». (Петрозаводск, 1958).

⁶ Державин называет местное население лоплянами — вероятно потому, что речь идет о жителях Лопских погостов.

Хлеб из соломы: берут и рубят намелко концы колосов и солому, сушат, толкут и мелют, присыпают мхи и готовят хлеб.

Весною пекут лепешки из так называемой травы векхи. Сия растет около малых ручьев, корень ее толщиной с мизинец, длиною же иногда и до двенадцати вершков, лист их подобен березовому, но токмо на концах имеет наподобие сосновых шишек, и ежели оные покраснеют, то значит перезрели, и корень в пищу бывает негоден, ибо употребляют его до тех пор, пока и лист еще не растет. Вырыв оный по сходе с полей снега, сушат, толкут, бьют мутовкою, прибавляют сосновой муки и пекут из теста сего зеленые, вкусом горькие лепешки.

Рокка (похлебка), всеми там весьма любимая, следующим образом готовится: вскипятя воду, кладут рыбу и стирают, бросают потом ржаной, ежели ее нет — сосновой муки, варят и подают на стол.

Посуда, употребляемая для варения пищи, заключается в двух медных, разной величины котлах, в коих по приготовлении и едят. Для хранения же съестных припасов, как равно ковши и рукомойники, плетут из бересты.

По причине глубоких снегов лопляне на лошадях не ездят, но употребляют для перехода дальних расстояний шукши (лыжи), из коих одна длиною в четыре аршина, шириною же в три вершка и всегда бывает березовая, другая же бывает из разного дерева и длиною в три аршина, ширины же равная с первой. Березовая шукша надевается на левую ногу, низ под оной выстроган, посередине же выдолблен во всю длину лыжи желобок; она употребляется по свидетельству их для удобного раската, и гонящиеся за зверьми подбивают весь испод правой мехом, дабы шерсть при всходе на гору, противостоя, скатываться препятствовала. Посередине для ноги делается род колодки и, чтобы она прямо стояла, привязывают к задку из вицы или кожи петлю и застегивают ногу. Шукши сии во всем сходствуют с употребляемыми на льду коньками, исключая, что идущий на оных подпирается палкою с кружком на конце, палка сия препятствует шукшам погрязать в снегу. В морозный ясный день перебегают на оных до 70 верст.

Повествуют, что великий Петр называл народ сей птицами, летающими на деревянных крыльях и питающимися древесною корой.

Для перевозу тяжестей употребляют оленей, запрягая их в так называемые керешки. Керешка сия представляет совершенно вид поперек перерубленного челнока, длина его до трех аршин, шириною же до двенадцати вершков. Лоплянин, сидя в ней, правит, переметывая при поворотах на другую сторону одною возжею, привязанною к носу оленя, на шею коего надета лямка (петля) и пропущена между ног к носу керешки, ежели же она пошатнется, справливает тогда рукою, и в таковой повозке проезжает до шестидесяти верст в день.

Оленей держат всегда в лесу, и когда надобно, взяв одного доморощенного, идут к ним в лес, и к сему же пристают и лесовые. На дороге кормят их белым мхом, яглем именуемым, и болотным хвощом.

Одеждою жители края сего ни в чем от смежных им россиян не отличны, исключая обуви, здесь носят остроносые с загнутыми концами сапоги, кенгами по-лопски называемые. Женщины же на голове носят сороки, подобные российскому повойнику, только наперед сии имеют как бы расходящиеся рожки. На груди висит у достаточных серебряный, у прочих медный восьмиконечный крест. Платье сходствует с сарафаном и подпоясано суконным поясом. На ногах же надеты похожие на коты ступни.

Девушки на голове носят из красного сукна повязку, узкую сзади бисером, кос они не плетут и волосы имеют распущенные, одежда и обувь во всем замужним подобна.

Мужчины при свидании дают друг другу правую руку и кланяются, женщины же крестообразно объежаются и трижды кланяются.

При вступлении в брачный союз лопляне хранят следующие обряды: женихов отец, условясь с невестиними родителями, оставляет задаток, простирающийся у богатых и до десяти рублей, с договором, чтобы в случае несогласия невесты отдать оный ему обратно. Потом, собрав все семейство, входят с женихом в ближний дом и посылают спрашивать, можно ли жениху посмотреть невесту. Родители ставят одну между двумя женщинами, они выходят наперед, а за ними следует невеста, жених приближается, женщины расходятся и оставляют невесту видимою. Жених, взяв ее за руку, дает женщинам деньги и отводит в сторону, поднимает у ней брови, растворяет рот, смотрит зубы и все лицо и, наконец, оглядев руки, дает невесте полтину или рубль, и сие означает одобрение невесты. По сем расходятся, спрашивают у них взаимного к вступлению в брак согласия, по получении оного невеста ходит по родне и плачет, свойственники по возможности ее снабжают, и сие продолжается дня с два, после сего жених с невестою делают размену, ставят две иконы с зажженными при них свечами и сажают жениха за стол. Невеста, ходя по другой стороне, кланяется три раза жениху, величая его при каждом поклоне по имени и отчеству, и дарит платком. Жених, приняв платок, надевает невесте на руку перстень и сажает возле себя; приходит мать ее, дарит жениха, поздравляет, затем обдаривает всех платками. Поезжане кладут, называя сватьею, деньги на блюдо, тысяцкий (друга) кормит поставленным на стол пирогом жениха и невесту, давая им попеременно укусывать. Мать выводит невесту из-за стола, сия прощается, кланяется в землю, с родителями и со всем семейством. Жених выходит на улицу, за ним выводят и невесту. Тысяцкий

очерчивает около них топором круг. Сие, по неоспоримому их мнению, охраняет от действия всякой враждебной силы, после чего тесть говорит дочери: слушай, дочь! Ежели не станет у вас дров или лучины, руби лучше что в дом ни попадет, а не ходи просить в другую избу. А ты, зять, наказывай жену свою за первую вину одногодней вицею, за другую двухгодовою, за третью трехгодовою, после же трех как заблагорассудишь,—и отдает после сего невесту. Отец женихов дает каждому из невестиних поезжан по копейке, садятся в сани и едут в церковь, по свершении брачного священнодействия отвозят в женихов дом, теща дарит женихово семейство платками и просит к себе. Отец женихов кормит новобрачных хлебом, говоря, что, отведав своего хлеба, прилично идти есть чужого, идут к родителям невесты, и по окончании пира расходятся.

Лопляне, похоронив умершего, носимые им во время болезни вещи и даже стружки от гроба бросают в воду. Причину же сему относят закоренелому обыкновению».

В заключение следует отметить, что Державин первым из русских путешественников упоминает национальный карельский музыкальный инструмент — кантеле. В «Полуденной записке» имеется указание на то, что карелы «забавляются игрою на гусях пятиструнных, сделанных из сосны... и можно сказать, что их сосна греет, сосна питает, сосна и веселит».